

Путешествие с Робертом Дессе к Тургеневу

Игорь Золотарев

Несмотря на присущую французам внешнюю жизнерадостность, по утверждению Тургенева, они часто были «холодными и банальными». Возможно, во Франции ему не хватало русской души. Зато здесь была цивилизация (цивилизация), в которой он всегда нуждался. Привязанность к замужней женщине приковала его к этой стране. Именно это «чужое гнездо» спасало его любовь, иначе высокое чувство могло бы превратиться в рутину или утонуть в мелочных обязанностях, что часто случается в браке.

Ничто в жизни Тургенева не указывает на то, что он представлял себе женитьбу как союз двух людей, при котором любовь расцветает пыльным цветом. Брак может оградить от одиночества, но брак нигде в его произведениях не изображается в виде расклеванной дохлая жаровня. Все его главные персонажи умирают или кончают жизнь самоубийством, не успев вступить в брак, или же заведомо падает до того, как речь заходит о женитьбе. Любовь, а не брачные узы привлекала Тургенева, причем любовь свободная.

Паутина любовных отношений, в которую угодили писатель, до конца его жизни была сутью его счастья. Это не был каждый мой безумный восторг; тем не менее, его жизнь была наполнена счастьем, а также, без сомнения, печалью и мукой, ибо счастье (в отличие от радости или блаженства) включает в себя и эти чувства. Да и во всех произведениях писателя его в первую очередь волнуют эмоции персонажей. Виртуозия Вулф писала: «Для Тургенева его книги – вовсе не последовательность эпизодов, а последовательность эмоций, исходящих от центрального персонажа... Связаны здесь не сами предметы, а чувства, и, когда прочитав книгу, испытываешь эстетическое удовольствие, достигается оно потому, что у Тургенева необыкновенно тонкий слух на эмоции, и получается правдивая, слитная картина».

Р. Дессе пишет, что тургеневский необыкновенный слух на эмоции проявился с особенной силой в романе «Дворянское гнездо». В нем авторские наблюдения абсолютно естественны и на редкость поэтичны, поэтому он считает лучшим этот роман Тургенева. Чтобы написать шедевр, добавляет Дессе, как раз и нужно прислушаться к тишине, а потом взять и нарушить ее.

Об этом романе Роберт

Дессе вспоминает в Спасском. Мы читаем следующее: «Когда Тургенев жил во Франции или Германии, он с нежностью вспоминал о России: «... соломы, запах соломы и березовых почек, солнце и лужи по дорогам – вот чего жаждет моя душа». Все это – Спасское. И далее Дессе продолжает: «Наверное, мы все с нежностью вспоминаем те места, где нас ничто не волнует, где мы можем наконец побыть наедине с собой». Год за годом Тургенев приезжал сюда из Баден-Бадена и Парижа, чтобы новыми глазами посмотреть на все, что он узнал, и написать о том, что видел, с высоты вновь приобретенного опыта. (Зачем же еще возвращаться домой?) Лаврецкий в любимом романе Р. Дессе «Дворянское гнездо» приезжает домой, в родовое гнездо, очень похожее на Спасское. «Тарантас его быстро катился по проселочной, мягкой дороге, вокруг – свежая, степная, тучная голь и глушь. Лаврецкий погружается в тишину, словно на дно реки. Глядя в ояно на сад, он прислушивается к тишине», как и Р. Дессе в то утро в Спасском, «ничего не ожидая – и в то же время как будто беспрестанно ожидая чего-то».

Самые удивительные страницы книги «Сумерки любви» Р. Дессе посвящены Буявалю. Что такое Буявалю? Сто лет назад каждый парижанин знал это место. В 80-е годы XIX века все пространство вдоль Сены от Арианта до Буявала было любимым местом отдыха парижан, особенно во воскресенья. Там они катались на лодках, купались, прогуливались вдоль реки, обелили в прибрежных кофейнях, смотрели на регаты, устраивали пикники на траве. Это была кипучая жизнь. А также это место, по словам братьев Гонкур, было «пейзажной студией современной французской школы живописцев, ставших известными и любимыми во всем мире. Кеннет Кларк выразился

еще более определенно: «Плавающий ресторан «Лягушатня», знакомый многим по полотнам Ренуара и Моне, – это родина импрессионизма». Эдуард Мане, Клод Моне, Огюст Ренуар, Писсаро, Сёра, Сислеи, а с ними и Мопассан, писавший об импрессионистах, дружили с Тургеньевым, часто бывали у него в Буявале. В повести Мопассана «Иветта», написанной в год смерти Тургенева, есть сцена, в которой, похоже, изображен именно тургеневский дом. «Стол был накрыт на веранде, выходящей на реку... Вышла «Весна» стояла высоко над излучиной Сены... Напротив дачи горизонт зеленым шатром замыкался гигантские деревья острова Круасси, а течение реки открывало вдали вид на плавающий ресторан «Лягушатня», спрятанного в листве».

Спускался вечер – тихий вечер, красивый и мягкий, какие бывают по берегам реки, мирный вечер, который навевает блаженное чувство покоя. Было тепло, было отрадно жить на свете... Все восхитились, когда вышли к столу. Радость охватила сердце при мысли о том, как приятно будет пообедать здесь, на лоне природы, созерцая речную гладь в свете сумерек и вдыхая чистый, душистый воздух...»

Тургенев назвал свою усадьбу «Ясени» (есть что общее с «Дной Полиной» Толстого). Дом расположен высоко на холме, среди елей, асеей и плачущих ив. К дому подступают вековые деревья окружающего леса, шагнув за решетчатые ворота, можно подумать, что ты в России. Именно в этом доме 3 сентября 1883 года великий писатель скончался.

Особенно впечатлительные в доме-музее «Ясени» производит кабинет И.С. Тургенева. Ступив в кабинет, обитый красным шпатоном, из окон которого открывался дивный вид на Сену, Р. Дессе испытал потрясение, как бывает, когда с удив-

РОБЕРТ ДЕССЕ

СУМЕРКИ ЛЮБВИ Путешествия с Тургеневым

лением обнаруживать, что смотреть на друга иными глазами. Вот на стоявший стол Тургенева, за которым он сидел, внос последние поправки в роман «Новь», обдумывая сюжет «Клары Милич», «Песни торжествующей любви» и других блистательно написанных фантастических рассказов последних лет. А позади стола – резной каменный шкаф черного дерева, массивный стул тоже черного дерева. Сама вещь этих предметов: шелковистая ткань кинноварных обоев, уютное тепло деревянного стола – делает эту комнату словно бы прозрачной. Кабинет просторный, светлый, с окнами на три стороны. Появляется ощущение некоего уютного уюта. Становится очевидным, что здесь наконец Тургенев свил свое «гнездо». Эта комната, его кабинет, была воплощением настоящего «гнезда», по которому он тосковал всю свою жизнь. (Неудивительно, что он назвал усадьбу «Ясени» по имени дерева.) Кабинет дает представление о том, что составляло смысл его жизни и заставляло биться его сердце, благородное сердце. В роскошном красном кабинете Р. Дессе оставил в стороне все прежние образы Тургенева и начал мысленно составлять новый образ.

«Кроткий великан», как говорил о нем Эдмон Гонкур, средневековый трубадур, склонившийся к ногам прекраснейшей из дам, либерал-пессимист, какому его представлял

Том Стоппард, усердный летописец, запечатлевший пути русской интеллигенции, остроумный собеседник, изгнанник, реалист, романтик, певец неразделенной любви, любитель сверхъестественного, охотник. Памлет Дон-Кихот. И тут из всех этих образов родилось нечто единое, озабоченное тайным огнем. И это пламя можно назвать «земной, смертной любовью». После романа «Отцы и дети», который вышел за десять лет до его приезда в Буявалю, все остальные романы Тургенева не имели никакой политической окраски. Сидя за своим столом, он размышлял о любви и смерти. Любовь и смерть. Только это – и больше ничего. Писатель говорил своему другу графине Ламберт, что политика никогда его не интересовала и не будет интересоваться. Он обржал внимание на политику только как писателя, призванный изображать современную жизнь». Но у него была своя позиция в отношении всяких радикалов, которые идут в революцию и не верят в нее, а главное – не верят (не любят) себя, они всегда будут обречены на провал.

В молодости (как и многие известные люди его поколения – Белинский, Анненков, Некрасов, Фет, Бакунин, Герцен) Тургенев отказывался верить, что общество должно выбирать между хлебом и свободой. А в зрелом возрасте любимым словом Тургенева стало слово «примириться». Человеческая жизнь может ка-

заться бессмысленной и всегда плохо кончается, но нужно смириться со своим жребием. Если счастье ускользает от вас, не придавайте этому слишком большого значения. Если бурная страсть превращается в нечто более спокойное, можно довольствоваться тихим тлеющим огоньком, ведь и он дарит тепло. Если просвет бывает редко или оказывается миганком, наберитесь терпения и ждите. Если любовь, хоть вы пытаетесь удержать ее, утекает сквозь пальцы, нужно примириться с тем, что останется. Любви никогда не бывает достаточно. По мнению Р. Дессе, в известном смысле Тургенев руководствовался этим принципом. Политические дискуссии, стычки между консерваторами и радикалами, между славянофилами и западниками в действительности просто (вспомним слова Памлета) «отражение того века и того возраста», в котором тобутоют любовные страсти.

Закроем книгу Роберта Дессе «Сумерки любви» и на обложке прочитаем:

*Мне радостно
сказать вам...
что я ничего не видел
на свете лучше вас,
что встретил вас
на своем пути –
было величайшим
счастьем моей жизни,
что моя преданность
и благодарность вам
не имеет границ
и умрет вместе со мною.
Да благословит вас
Бог тысячу раз!..
Вы – все, что есть
самого лучшего,
Благодарного и симпатичного
на этом свете.
Из письма И.С. Тургенева
Полине Виардо.
Октябрь 1850 г.*

Свершив все эти путешествия к Тургеневу, Р. Дессе находит в писателе родственную душу, почувствовал свою сопричастность его творчеству, став другом великого русского писателя, он слышит Тургенева, когда разговаривает с ним. Автору книги «Сумерки любви» приятно думать, что, вернувшись домой, он еще раз перечитает Тургенева.

В год 200-летия нашего великого писателя-земляка мы тоже перечитаем наши любимые произведения Ивана Сергеевича Тургенева и задумаемся о судьбах современной литературы.